

нии жертвенно, ценой собственной жизни сберечь и защитить ценности человеческой личности, взращенные культурой прошлого столетия, явив своей судьбой синтез прозорливости и страстного служения жизни, «где ни рабств, ни уродств, там, где все во весь рост» (197).

Победа путем отказа от неподлинного, неистинного, нетворческого; жизнеутверждение как созидание, защита и верность своей сути предстает, прежде всего, как поэтическая позиция Цветаевой. Именно голос поэта пробивается сквозь судорогу ее стихов: «Мои жилы иссякнут, мои кости высохнут, но ГОЛОС, ГОЛОС оставит мне судьба»¹².

Главным противостоянием мертвому, косному миру бездуховного потребления и было для Цветаевой творчество (ст. «Стол»), очистительная сила которого не столько венец познаваемого бытия, сколько начало дыхания, начало новой мысли, нового преобразующего движения, восполняющего силы и утоляющего тоску «безмерной» души. Верностью поэтическому долгу (своей человеческой сути) — петь, творить на пределе возможностей человека жизнь подлинную, неустанно «стремящуюся» к единению всего «равномощного и равносильного», духовно созидующую мир, высветляется трагический конфликт творческой судьбы М. Цветаевой. Дар поэта осознан ею как явление величайшей ответственности. Ответственности перед собой и искусством, перед истиной и жизнью.

¹ Лосев А. Ф. В поисках смысла // Вопросы литературы.—1985.—№ 10.— С. 215.

² Цветаева М. Искусство при свете совести // Литературное обозрение.—1981.— № 10.— С. 102. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием в тексте статьи названия и страниц.

³ Цветаева М. Наталья Гончарова // День поэзии.— Л., 1966.— С. 118.

⁴ Ревзина О. Г. Тема деревьев в поэзии М. Цветаевой // Ученые записки Тартуского гос. ун-та, № 576: Труды по знаковым системам.— Тарту, 1982.— № 15.— С. 147.

⁵ Цветаева М. Поэт о критике // Литературная учеба.—1981.— № 3.— С. 107.

⁶ Цветаева М. Сочинения: В 2-х т.— М., 1980.— Т. 1.— С. 231. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием в скобках страниц.

⁷ Цветаева М. Искусство при свете совести.— С. 104, 101, 103.

⁸ Там же.— С. 102.

⁹ Там же.— С. 105, 100.

¹⁰ Цветаева М. Поэт и время // День поэзии.— Л., 1966.— С. 121. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием названия и страниц.

¹¹ Там же.— С. 122, 121, 122.

¹² Цветаева М. Сочинения: В 2-х т.— Т. 1.— С. 510.

Р. Т. СТАНКЕВИЧ

СТРАТЕГИЯ ЦЕЛОГО И ВЕРНОСТЬ ДЕТАЛЕЙ

(О переводе повести В. Быкова «Знак беды» на болгарский язык)

В прошлом году в Болгарии издана повесть В. Быкова «Знак беды» в переводе с белорусского Найдена Вылчева¹. Об этой книге и о ее переводчице следует поговорить более подробно. В предисловии к болгарскому изданию повести Н. Вылчев пишет о том, что еще в 1961 году, когда он впервые побывал в Белоруссии и познакомился с В. Быковым и его творчеством, в нем зародилось желание изучить белорусский язык и перевести повесть «Третья ракета» именно с оригинала. Но пока он работал, издательство нашло русский вариант повести, определило себе и переводчика. Однако работа над переводом «Третьей ракеты» не пошла для Н. Вылчева бесследно. Начиная с 1962 года болгарский поэт переводит с белорусского, и в этом деле он вместе с Андреем Германовым становится одним из верных друзей белорусской литературы в Болгарии. Очевидно, давнее творческое сотрудничество с Белоруссией и личная дружба с Василем Быковым — одна из причин заключения издательского контракта на перевод «Знака беды» именно с поэтом Найденем Вылчевым.

Вслед за первым белорусским изданием повести в журнале «Полымя» болгарская газета «Народна култура» публикует небольшой отрыв-

вок из нее и вступительное слово переводчика, которое начинается так: «Предчувствие за беда», «Зла прокоба», «Прокобата» — таков смысл повести «Знак беды»². О чем говорят эти слова Н. Вылчева? Прежде всего о серьезном, вдумчивом подходе к переводу, о глубине его восприятия, о движении его мысли и ассоциации. В буквальном переводе «Знак беды» на болгарском звучит: «Знак за беда», «Предчувствие за беда». Но переводчика это не устраивает. Почему? Слишком описательно, расплывчато. И начинается поиск: «Предчувствие за беда», «Зла прокоба» (прокоба — в переводе с болгарского — дурное предзнаменование, предсказание, что-то зловещее, неминуемое, роковое). Ближе к цели, но все еще не то, чего хотелось бы. Найдено слово старинное, почти забытое «прокоба», но она всегда бывает «злой». Значит, определение лишнее, а лишнее слово отягощает восприятие.

К переводчику приходит новое решение — «прокоба-та». В болгарском языке суффиксальная форма, постпозитивный член существительных, имеет особую функцию: сохраняя лексическое значение слова, он придает ему новое семантическое содержание. Если слово «прокоба» дает представление о чем-то зловещем, роковом, неминуемом в будущем, то «прокобата» — это уже понятие вполне конкретное, уже или вообще известное, исконное. Таким образом, грамматическая форма, с одной стороны, придает слову индивидуально-определенное содержание, а с другой — расширяет его эмоционально-семантический объем, его метафоричность.

Художественный перевод, как правило, колеблется между двумя противоположными принципами — между точным, но художественно неполноценным переводом и между художественно полноценным, но отдаленным от текста оригинала. Соединить эти два принципа — задача довольно трудно осуществимая. Огромную роль здесь играет изобретательность переводчика, его художественное чутье. С самого начала работы над переводом Н. Вылчев намечает свой принцип, свое «как» перевоссоздания быковской повести. Он осознанно пытается соединить эти два как будто исключаящие друг друга начала. Богатый (двадцатилетний) опыт переводчика с белорусского помогает ему решить сложную задачу. Внимание переводчика к локальному слову помогает сохранить эпически густую белорусскую речь, а соблюдение «стратегии целого», в свою очередь, сообщает произведению нужное звучание, определяет точный выбор слов. Думается, благодаря этому Н. Вылчеву удалось совладеть с философски насыщенной, трудной для перевыражения прозой В. Быкова и в определенной мере избежать западни буквализма. Пришло на выручку и доскональное знание творческой манеры белорусского прозаика, и верно определенная доминанта произведения. Поняв, что Быков — художник нравственного максимализма, Н. Вылчев сумел сосредоточить свое внимание на нравственно-философских проблемах человеческого бытия, поднятых в повести белорусского писателя.

В оригинале у В. Быкова читаем: «Птушкі, якія часам прыляталі з лесу, чамусь ніколі не апускатліся на яе голле, лепей садзіліся на рослы алешнік побач»³.

В болгарском подстрочнике эта фраза приобретает такой вид: «Птиците, който понякога прилитаха от гората, кой знае защо, никога не кацаха в клоните и, а предпочитаха до отсядат във високия елшак наблизо».

В переводе Н. Вылчева: «Но кой знае защо птиците, прилитащи към гората и от гората, никога не кацаха по тях, а потъваха из околния елшак»⁴.

Работая над переводом, Н. Вылчев отдает себе отчет в том, что имеет дело не только со словом, но и с совершенно иной реальностью речи: белорусский язык имеет другой (более ускоренный) ритмический строй, другие интонационные конструкции. Своим поэтическим чутьем переводчик постигает не только оболочку словесного выражения, но и его внутренний ритм и там, где это нужно, использует инверсию, выдвигая

определенное слово на первый план, меняет место логического ударения, сокращает или увеличивает количество слов, не меняя при этом смысла фразы, но стараясь по-возможности сохранить ее музыкальный строй.

Анализируя перевод, сопоставляя его с подстрочником, нетрудно заметить, что довольно часто можно было бы почти безболезненно сохранить синтаксическую конструкцию оригинала, не искажая при этом смысла фразы, но переводчик идет другим путем. Его интересует не только смысл, а и нечто другое.

В оригинале: «Вароны, магчыма, памяталі нешта, а можа, сваім птушыным інстынктам адчувалі ў гэтым знявечаным дрэве злую прыкмету няшчасця, знак даўняй бяды». Медленно, как бы затаив дыхание, делая частые паузы, В. Быков очень пластично передает ощущение предчувствия приближающейся беды. И переводчик, уловив глубокий драматизм фразы, сознательно увеличивает расстояние между паузами, удлинняя таким образом ее звучание, пересоздавая замедленность ее ритмомелодики.

В переводе Н. Вылчева: «Враните може би помнеха нешо, а може би със своя почти инстинкт да виждаха в това осакатено дърво духа на нещастисто, знака за някаква зла прокоба». Переводческие замены (он заменяет «злую прыкмету няшчасця» на «духа на нещастисто», и «знак даўняй бяды» на «знака за някаква зла прокоба») усиливают эмоциональное восприятие, нагнетают атмосферу неминуемого несчастья (что касается замены «птушыны інстынкт» на «почти инстинкт», то, вероятно, это опечатка, а может, и в этом есть скрытый смысл).

Для того, чтобы сохранить общую тональность повествования Н. Вылчев иногда использует тавтологизмы, обогащая внутренний подтекст («по него не минаваше вече никой, никой не пътуваше»), сознательно удлинняет предложение, «дописывая», «додумывая» («от където щеше да се върне чак вечерта», «но сега не му донесе нищо», «които Петрок и Степанида нажъгнаха»), или же меняет синтаксические рамки. Переводчик позволяет себе разрывать предложения, делая из одного сложноподчиненного два. Например: «Не може да се каже обаче, че в чивликчето им стана тежко и лошо, че нещо се беше промисило под новата немска власт. **Напротив**, почти всичко си вървеше попрежнему». В данном случае, очевидно, дело не только в желании сделать болгарский текст более читабельным. Н. Вылчев не только создает из одного два предложения, но и противопоставляет их по смыслу, добавляя наречие «напротив». Нововведенное слово спрятано в подтексте оригинала, а переводчику оно понадобилось на поверхности. Для чего? Игорь Дедков, один из вдумчивых исследователей быковской прозы, отмечает: «А пока еще видно: здесь жили люди; можно отгадать, где стоял их дом и где был колодец; еще можно понять, что жизнь покинула это место не сама, не добровольно, и что обгорелое мертвое дерево над дремучими зарослями крапивы и шиповника — знак беды... Это первый знак беды, может быть, главный, изначальный, но много еще тревожных знаков будет впереди...»⁵.

Через всю повесть В. Быкова набатным рефреном проходят эти знаки. Они идут один за другим и нагнетают нависшее чувство тревоги: немцы строят мост через речку, мост, который прокладывает дорогу к беде; Петроку не досталось ни сахару, ни соли из магазина, уничтоженного после прихода «новой власти», а только керосин, и с самого начала это навеивает мрачные предчувствия; Степанида больше всего боится пожара, но сама, этим же керосином, поджигает собственный дом, дом, в котором родились и выросли ее дети, ее Феня и Федька. А глухонемой искалеченный пастушок Янка и его собачка Рудка (от слова «руды» — здесь: ржавый, грязный) — не живые ли это «знаки беды»? Их так много, что сердце останавливается в предчувствии неминуемого.

В этом контексте слово, которое Н. Вылчев вводит в свой перевод, приобретает новый, своеобразный аллегорический смысл, становится

словом-символом, т. е. своеобразной формулой, записью «сложных взаимоотношений двух разных по своему характеру и противопоставленных по ряду признаков значений — лексического значения и значения символа. Первое опирается на определенные лексические связи, второе — подразумевается, для его раскрытия требуется не анализ собственно языковых факторов, а простое значение символа или своеобразная «разгадка» на основе контекста»⁶. Подчиняя работу над переводом прежде всего «стратегии целого» и опираясь на свою интуицию, Н. Вылчев находит не только лексические эквиваленты, работает не только с текстом подлинника, но ищет и весьма часто находит эквиваленты подтекстовой, сложной символическо-метафоричной системы В. Быкова.

В болгарском переводе слово «напротив», подчеркивая то, что хотя ничего и не изменилось при «новой немецкой власти», все же заключает в себе что-то тревожное, ассоциирующееся с теми видимыми и невидимыми знаками беды, которые проходят через канву всей повести. Само это слово становится символом, как бы затаившимся «знаком беды».

И еще один пример переводческой удачи Н. Вылчева, его творческой изобретательности. В оригинале у Быкова: «Яначка быў рупны і заўжды безадмоўны хлопец. І яна, вяртаючыся да каровы, кожнага разу старалася прыхапіць яму які-небудзь гасцінец — аладку, скварку, жменьку гароху, ці хоць спялейшы яблык з сука».

В переводе Н. Вылчева: «Яначка нікога не і отказваше, і когата ты се вярщаше, всеки път му донасяше я някоя кичка или пръжка, я малко грах, я някоя ябълка. Но сега не му донесе нищо».

При сопоставительном анализе подлинника, подстрочника и перевода видно, что в болгарском тексте отсутствуют слова: «быў рупны», «да каровы», «старалася», «які-небудзь» «гасцінец», «жменьку», «ці хоць спялейшы», «з сука», а «заўжды» заменено семантически противоположным «нікога» (никогда). Что же предлагает взамен переводчик, чем компенсирует свои изменения в тексте подлинника? Вместо пропущенных 13 слов он добавляет свои (ровно 13) слова: «когата», «я някоя», «я малко», «я някоя», «но сега не му донесе нищо». Но, видно, дело не в количестве слов, а в великолепно найденном эквиваленте: это народно-песенное, фольклорное «я някоя», «я малко», которое придает повествованию нужную и стилистическую (ведь речь идет о Степаниде), и эмоциональную, даже музыкальную окраску. Решение болгарского переводчика, на наш взгляд, вполне оправданно. Как поэт Н. Вылчев чувствует очень тонко ритмомелодику переводимого произведения и находит нужный «поэтический ключ» к ее пересозданию.

В работе над повестью В. Быкова «Знак беды» болгарскому переводчику удалось перевоссоздать жизненно правдивую палитру белорусского прозаика и донести до своего читателя ее сложный нравственно-философский подтекст, передать общую тональность произведения. Н. Вылчев уверенно нащупывает и мастерски перевыражает средствами родного языка образный ток повествования, то, что намагничивает словесный материал и ориентирует в нужном направлении.

¹ См.: Биков В. Прокобата. Повест.— София: Партиздат, 1985.

² Вылчев Н. Мляко и пресъхнали сълзи // Народна култура.— 1983, 4 ноември.

³ Все оригинальные примеры взяты из издания: Быкаў В. Знак бяды. Аповесць.— Мінск, 1984.

⁴ Примеры болгарского перевода взяты из издания: Биков В. Прокобата. Повест.— София, 1985.

⁵ Дзядкоў І. Неастылы попел старога пажарышча // Літаратура і мастацтва.— 1982, 15 кастрычніка.

⁶ Сиротина В. Характеристическая и символическая функция слова // Русский язык в школе.— 1974.— № 1.— С. 72.